

О.В. Федунина

**РОМАНЫ ГОНЧАРОВА В ЗЕРКАЛЕ
ДИСКУРСИВНОЙ ПОЭТИКИ**

Рец. на кн.: Молнар А. Поэтика романов И.А. Гончарова.

М.: Компания Спутник +, 2004. 157 с.¹

Монография венгерской исследовательницы Ангелики Молнар, написанная на русском языке, представляет собой анализ трех романов И.А. Гончарова – «Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв», – каждому из которых посвящена отдельная глава. Используя методы дискурсивной поэтики и особенно опираясь на «поэтическую концепцию» Арпада Ковача о ретимологизации слова (с. 5–6), автор устанавливает связи между «семантической памятью слова» (т. е. языковым уровнем) и сюжетом, системой персонажей, особенностями жанра в романах Гончарова. При таком подходе в центре внимания оказывается также нарративная структура произведений, которые рассматриваются А. Молнар как романы о самоосмыслении героев и становлении их собственного слова.

Одна из основных проблем, затрагиваемых в монографии, – литературная память: ее функционирование прослеживается на всех основных уровнях произведения – от памяти слова до интертекстуальных связей. При этом автор выделяет ряд знаковых, с ее точки зрения, фонических и лексических сегментов (как, например, «про» для «Обыкновенной истории»), утверждая взаимозависимость между заложенным в них значением и более крупными единицами текста. Среди наиболее удачных примеров такого рода – обозначенная при анализе «Обрыва» связь между звуковой формой имени *Веры* и мотивом *двери* в романе (Вера как запертая дверь, к которой Райский должен подобрать ключи, и т. д.; см. с. 113). Это дает воз-

возможность автору затронуть действительно один из важнейших смысловых пластов романа.

Однако такой подход, позволяющий взглянуть на особенности поэтики Гончарова с совершенно новой стороны и сделать весьма оригинальные наблюдения над текстом, не свободен от некоторых неточностей. Попытки связать именно звуковую форму слов с основными мотивами (причем мотив понимается автором монографии как «метафора, которая в сюжете разворачивается в словесное действие», с. 25) могут приводить к тому, что не учитывается собственно лексическое значение. Так, вызывает вопросы следующее утверждение исследовательницы в главе об «Обыкновенной истории»: «Мотив “резать” соприкасается с понятием “образованного мира” через общий корень “рез”, и эта связь тематизируется в превращении личности в обыкновенного петербуржца» (с. 35). Близость этих **разных** корневых морфем кажется сомнительной. Еще один пример: если принять логику исследовательницы, звуковой этимон «тать» должен был актуализировать не только значение «тайны» в имени пушкинской *Татьяны* (с. 50), но и отчетливо слышимое русским ухом «*тать*» в смысле «разбойник». Между тем, едва ли такая цепочка приближает к адекватному пониманию образа этой героини.

При всех мелких неточностях такого рода в монографии дается очень оригинальный и интересный анализ нарративной и мотивной структур романов Гончарова. Исходя из результатов этого анализа, становится возможным увидеть эволюцию этих структур от романа к роману: «диалогически-контрапунктическое построение романа вокруг двух героев-оппонентов» (с. 143) в «Обыкновенной истории»; «Обломов», где нарратор пересказывает и реинтерпретирует историю Обломова, изложенную Штольцем, сближаясь то с его точкой зрения, то с точкой зрения Обломова; «роман в романе» «Обрыв». По мнению А. Молнар, в этом последнем тексте «на нарративном уровне все происходящее (за исключением любви

Веры и молодости Райского) дается сквозь призму точки зрения главного героя так, как будто объективный повествователь на протяжении действия перевоплощается в самого Райского» (с. 110).

Поскольку в разборах всех трех романов как одна из наиболее значимых проблем обозначается поиск героем собственного слова, то внимание автора фокусируется на непосредственных проявлениях этого слова: письмах, литературных произведениях, создаваемых героями «Обыкновенной истории»² и «Обрыва», и снах. Особо хотелось бы отметить выдвинутое А. Молнар интересное положение о взаимозамене сна и письма (как форм самопонимания и самоописания) в «Обломове» и оригинальный разбор «Сна» героя – по мнению автора книги, он «является самописанием Обломова, которое воссоздается не непосредственно им, а повествователем...» (с. 79).

Исследовательница приходит к выводу, что в творчестве Гончарова формируется особый тип русского романа, в котором «наррации не позволено превратиться в повествование от первого лица» (с. 146–147), хотя главным сюжетным событием в нем является поиск героем своего слова (и адекватного ему жанра). Вопросу о связи романов Гончарова с жанровой (идиллия, драма), фольклорной (сказки, былины) и индивидуально-авторской (особенно пушкинской) традициями в работе А. Молнар уделяется большое внимание. В частности, большой интерес представляет сравнительный анализ того, как реализуется мотив статуи в «Каменном госте» Пушкина, «Обломове» и «Обрыве» Гончарова.

Несмотря на то, что автор отказывается от сопоставления романов Гончарова между собой, поскольку они «воспринимались как отдельные тексты с уникальным поэтическим миром» (с. 143), наблюдения, сделанные А. Молнар, позволяют выявить целый ряд закономерностей в эволюции творчества Гончарова. Очевидно, поэтому в заключении к монографии исследовательница все же намечает такое сопоставление, говоря о том, что

«из романа в роман уменьшается дистанция повествователя к персонажу и увеличивается возможность субъект(ив)ности романного слова» (с. 147). Хотелось бы надеяться, что проделанная А. Молнар чрезвычайно интересная и важная для понимания творчества Гончарова работа будет продолжена и в этом направлении – к более детальной характеристике закономерностей в эволюции нарративной и мотивной структур романов.

Отдельно необходимо отметить весьма внушительный список использованной в исследовании литературы (как общего характера, так и посвященной специально творчеству Гончарова) – на русском, венгерском и английском языках.

---

¹ Далее ссылки на это издание даются в тексте рецензии.

² В связи с соотношением чужого слова и слова героя в «Обыкновенной истории» было бы интересно привлечь следующую работу Н.Е. Меднис: *Меднис Н.Е. Функции курсива в русской прозе XIX века // Литературное произведение как целое и проблемы его анализа.* Кемерово, 1979. С. 53–63.